
История о Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй в японском памятнике XII в. «Китайские истории» («Кара моногатари»)

© 2020 г. М.В. Торопыгина

Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12;
Институт классического Востока и Античности Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3.

E-mail: mtoropygina@hse.ru

Поступила 25.11.2019

Сборник «Китайские истории» («Кара моногатари») представляет собой собрание из 27 историй разного объема. Действие всех историй происходит в Китае. Сюжеты находят соответствие в целом ряде китайских источников, среди которых исторические сочинения, танские и сунские новеллы, стихи и поэмы Бо Цзюй-и. Датировка «Кара моногатари» долгое время была предметом дискуссии, окончательно вопрос не решен и сейчас. По версии, считающейся на сегодняшний день наиболее убедительной, написание произведения относится ко второй половине XII в., к концу периода Хэйан, а автором является Фудзивара-но Сигэнори. Текст «Кара моногатари» написан на литературном японском языке и содержит аллюзии не только на китайские источники, но и на японские поэтические и прозаические тексты. История о трагической любви императора Сюань-цзуна и Ян-гуйфэй занимает почти четверть всего текста памятника. Трактовка событий основана на поэме Бо Цзюй-и «Вечная печаль». В данный отрывок текста включены восемь японских стихотворений-*вака*, которые служат средством для адаптации сюжета к канонам японской литературы. Несмотря на то, что «Кара моногатари» в целом сочинение светское, концовка данной истории является буддийской и не встречается в китайских источниках, что можно объяснить большим влиянием буддизма в Японии, чем в Китае.

Ключевые слова: японская литература, период Хэйан, *сэцува*, даосизм, буддизм, «Кара моногатари», Бо Цзюй-и, Ян-гуйфэй.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-133-144

Цитирование: Торопыгина М.В. История о Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй в японском памятнике XII в. «Китайские истории» («Кара моногатари»). <История об императоре Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй>. Перевод со старояпонского и примечания М.В. Торопыгиной // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 133–144.

The story of Xuanzong and Yang Guifei in the 12th century Japanese collection “Chinese Stories” (*Kara monogatari*)

© 2020 Maria V. Toropygina

*Institute of Oriental Studies RAS, 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation;
Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University
“Higher School of Economics”, 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.*

E-mail: mtoropygina@hse.ru

Received 25.11.2019

The *Kara monogatari* is a collection of 27 stories of various size. All stories are devoted to China. The plots are matched in a number of Chinese sources, including historical works, Tang and Sung novels, and the poems by Bo Juiyi. The time of the creation of *Kara Monogatari* has long been the subject of discussion, the issue has not been finally resolved even now. According to the version that is considered to be the most convincing today, the author of the work is Fujiwara no Shigenori, and the text dates back to the end of the Heian period (the second half of the 12th century). *Kara monogatari* is written in literary Japanese and contains allusions not only to Chinese sources, but also to Japanese poetic and prose texts. The story of the tragic love of Emperor Xuanzong and Yang Guifei occupies almost a quarter of the entire text of *Kara monogatari*. The interpretation of the events and characters is based on Bo Juyi's poem *Song of Everlasting Sorrow*. The text of the story includes eight Japanese *waka* poems, which serve as a means of adaptation of the plot to the canons of Japanese literature. Despite the fact that *Kara Monogatari* is generally secular, the conclusion of the text is Buddhist, and does not have similarities in any of Chinese sources. It appears due to the fact that Buddhism had greater influence in Japan than in China.

Keywords: Japanese literature, Heian period, *setsuwa*, Taoism, Buddhism, *Kara monogatari*, Bo Juiyi, Yang Guifei.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2-133-144

Citation: Toropygina, Maria V. (2020) ‘The story of Xuanzong and Yang Guifei in the 12th century Japanese collection *Kara monogatari*’, The story of Xuanzong and Yang Guifei from *Kara monogatari*, Trans. Into Russian by Maria V. Toropygina, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2020), pp. 133–144.

В древности и средневековье Япония испытывала огромное влияние китайской культуры. Литература не является в этом отношении исключением. Однако «влияние» отнюдь не означает, что речь идет о слепом копировании. Так, идея составления исторических хроник была навеяна китайскими образцами, но японские хроники не повторяют китайскую традицию летописания. То же самое можно сказать и о законодательном творчестве; см.: [Мещеряков 2006]. К какому бы виду деятельности мы ни обратились, всюду мы наблюдаем, как местная японская культура творчески перерабатывает оригинал и приспособливает его к своим нуждам.

«*Кара моногатари*» – произведение, традиционно относимое японским литературоведением к жанру *эцува*, оно состоит из отдельных историй, не связанных между собой сюжетно. Связь между отрывками осуществляется за счет внутренних мотивов, переходящих из одного рассказа в другой. Все 27 историй «*Кара моногатари*» относятся к Китаю, в основном это небольшие анекдоты об известных исторических личностях, в ряде сюжетов действуют мифологические персонажи.

Датировка произведения и определение его автора долгое время были предметом дискуссии среди японских исследователей. На сегодняшний день наиболее убедительной считается версия о том, что автор текста – Фудзивара-но Сигэнори (1135–1187), а написана книга в конце периода Хэйан. «*Кара моногатари*» не является переводом какого-то одного или нескольких китайских сочинений на японский язык; используя сюжеты китайских исторических и литературных произведений, японский автор создает произведение японской литературы.

Возлюбленная императора Сюань-цзуна по имени Ян-гуйфэй (японское прочтение ее имени – Ёкихи) заняла почетное место в словаре японской словесности и стала именем нарицательным. Для героинь японской литературы быть похожими на Ян-гуйфэй означает быть несравненными красавицами. Предания о Ёкихи были настолько популярны в Японии, что возникла легенда о том, что она переселилась в Японию, в префектуре Ямагути даже имеется могила, в которой якобы покоится ее прах.

Исследователи памятника находят, что текст данной истории в «*Кара моногатари*» основывается на нескольких китайских источниках: поэме Бо Цзюй-и «Вечная печаль» («*Чан хэнь гэ*» перевод на русский язык Л.З. Эйдлина [Бо Цзюй-и 1978, 259–270]); новелле Чэнь Хуна «Повесть о бесконечной тоске» («*Чан хэнь гэ чжуань*», перевод на русский язык О.Л. Фишман [Чэнь Хун 1960], анализ произведения [Алимов 2017, 119–131]); историческом сочинении «Старая история Тан» («*Цзю Тан шу*», соответствующие отрывки на китайском языке [Кара моногатари 2003, 242–244]); новелле Лэ Ши «Неофициальная биография Ян Тайчжэнь» («*Ян Тайчжэнь вайчуань*», в переводе на русский язык А. Рогачева – «Ян Гуйфэй» [Лэ Ши 1972]). Основным источником, из которого берется не только сюжет, но и трактовка событий и образов героев, – это поэма Бо Цзюй-и «Вечная печаль».

Имя Бо Цзюй-и стало известно в Японии еще при его жизни. Видимо, слава, которой он удостоился на родине, была одной из главных причин его популярности в Японии [Graham 1987; Smits 1997]. «Вечная печаль» стала в Японии наиболее известным сочинением Бо Цзюй-и.

Историческая канва новеллы о любви императора и Ян-гуйфэй такова. Сюань-цзун (685–762) – седьмой император династии Тан (618–907), занимавший трон с 712 по 756 г. Его долгое правление ознаменовалось расцветом государства, экономическим и культурным подъемом, расширением торговых связей с иноземными государствами. Однако в конце правления Сюань-цзуна случился мятеж Ань Лу-шаня (ум. 757), надолго ввергнувший страну в хаос. Исторические источники сообщают, что Сюань-цзун, известный своим сладострастием, решил получить Ян-гуйфэй (719–756) – девушку из гарема своего сына Шоу-вана (ум. 775). Ян-гуйфэй, чтобы избавиться от статуса наложницы Шоу-вана, некоторое время проводит в даосском монастыре, а затем оказывается в гареме Сюань-цзуна. Сумев завоевать расположение императора, Ян-гуйфэй возвышает членов своей семьи, ее брат Ян Чжао (ум. 756) назначается на высокие посты и получает имя Ян Го-чжун, которое означает «преданный стране». Сестры Ян-гуйфэй становятся женами принцев. Ян Го-чжун, вместе с Ли Лин-фу (ум. 752) держат в своих руках власть в стране, однако их недалекость, бездарность и алчность вызывают недовольство. Среди недовольных оказывается стремящийся к власти Ань Лу-шань, выходец из тюрков. Ань Лу-шань был фаворитом Ян-гуйфэй и даже получил титул принца (в истории из «*Кара моногатари*» он назван «пасынком» Ян-гуйфэй). Ань Лу-шань поднял мятеж и пошел походом на столицу Чанъань. Император был вынужден бежать из столицы. Сторонники императора, считая виновником произошедшего Ян Го-чжуна, потребовали его смерти. Ян Го-чжун был убит (или покончил с собой). Ян-гуйфэй тоже была убита.

Поэма Бо Цзюй-и сглаживает негативные оценки Ян-гуйфэй, которые, несомненно, были ему известны. А.Г. Сторожук, рассматривая концепцию Бо Цзюй-и с точки зрения конфуцианского ритуала, пишет: «Бо Цзюй-и создает поэму, цель которой – восстановление ритуала по отношению к Сюань-цзуну и Ян Гуй-фэй как его избраннице и, что вполне соответствует конфуцианской традиции, перенос ответственности на нерадивых советников государя и алчных, своекорыстных министров» [Сторожук 2010, 173].

Поэма Бо Цзюй-и не заканчивается смертью Ян-гуйфэй. К тоскующему по погибшей возлюбленной Сюань-цзуну приходит даос, готовый найти место, где переродилась Ян-гуйфэй. Даос встречается с Ян-гуйфэй, переродившейся на острове бессмертных, и она передает императору заверение в том, что она, как и император, помнит их любовь.

Таким образом, в версии «Вечной печали» мы имеем дело с трогательным повествованием о несчастной любви. Такой модус повествования оказался очень близок японским аристократам, проживавшим в столице Хэйан (современный Киото). Их собственная литература (как проза, так и поэзия) полна описаниями несчастной любви. Любовные переживания, сопровождавшиеся тонкими эмоциями и обильными следами, были неотъемлемой частью их картины мира. На тему «Вечной печали» писала стихи одна из ярких японских поэтесс начала X века Исэ (877?–940?). Целый цикл стихотворений, где темой каждого произведения служит строка из «Вечной печали», был написан поэтом Фудзивара-но Такато (949–1113). Большинство его стихотворений написаны от лица тоскующего по своей погибшей возлюбленной Сюань-цзуну [Морисита 2006]. Важным для распространения легенды было включение строчек из китайской поэмы в сборник «Собрание японских и китайских песен для декламации» («*Вакан рояйсю*»), составленный Фудзивара-но Кинто (966–1041). Это собрание, где делается попытка добиться синтеза китайской и японской поэзии, было чрезвычайно важно в культурном плане, при отсылках к китайской поэзии в последующей литературе часто используются именно те строки, которые были помещены в «*Вакан рояйсю*». Поэма Бо Цзюй-и оказала значительное влияние на автора «Повести о Гэндзи» («*Гэндзи моногатари*») Мурасаки Сикибу (978–1014). Отсылки и упоминания поэмы и ее героини Ян-гуйфэй рассыпаны по всему тексту романа.

В конце эпохи Хэйан появилось несколько пересказов истории Ян-гуйфэй на японском языке. Историю пересказывает знаменитый поэт и знаток поэзии Минамото-но Тосиёри (1055–1129) в поэтологическом трактате «Поэтическое руководство Тосиёри» («*Тосиёри дзуйно*») [Тосиёри дзуйно 1985, 240–244], история появляется в китайской части сборника-сэцува «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю*») (см.: [Трубникова, Коляда 2018, 37]).

История из «*Кара моногатари*» достаточно подробно излагает известные автору китайские версии, но одновременно и вносит в них японское своеобразие. Во-первых, прозаическое повествование щедро уснащено японскими стихами *вака*, без чего не могло обойтись ни одно произведение аристократической литературы. Во-вторых, в тексте даются отсылки к японским стихотворениям и к роману «*Гэндзи моногатари*». В-третьих, обращает на себя внимание буддийская концовка рассказа. Ни один из китайских источников не дает буддийской трактовки событий, однако в версии «*Кара моногатари*» утверждается: цель человека – не попасть на даосское Небо и стать небожителем, а добиться перерождения в буддийском раю (Чистой Земле). Буддизм получил в Японии намного более широкое распространение, чем в Китае, чем и может быть обусловлена такая концовка японской новеллы.

Перевод истории выполнен по изданию [Кара моногатари 2003]. Издание содержит подробный комментарий, отсылки к китайским источникам и перевод текста на современный японский язык. Деление истории на четыре части следует этому изданию.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Кара моногатари 2003 – Кара моногатари [Китайские истории]. Под ред. Кобаяси Ясухару. Токио: Коданся, 2003 (*Kara monogatari*, ed. by Kobayashi Yasuharu, in Japanese).

Тосиёри дзуйно 1985 – Тосиёри дзуйно [Поэтическое руководство Тосиёри]. Под ред. Хасимото Фумио // Каронсю [Собрание текстов «о поэзии»]. Токио: Сёгаккан, 1985. С. 39–270 (*Toshiyori zuino*, ed. by Hashimoto Fumio, in Japanese).

Geddes, Ward, trans. (1984) *Kara monogatari*, Arizona State University, Phoenix, AZ.

Бо Цзюй-и 1978 – Бо Цзюй-и. Вечная печаль // Бо Цзюй-и. Стихотворения. Пер. с китайского Л.З. Эйдлина. М.: Художественная литература, 1978. С. 260–270 (Bai Juyi, *Chang hen ge*, Trans. into Russian by Leonid Z. Eidlin).

Лэ Ши 1972 – *Лэ Ши*. Ян Гуйфэй. Пер. А. Рогачева // Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X–XIII вв.). М.: Художественная литература, 1972. С. 13–40 (*Yue Shi, Yang Taizhen waizhuan*, Trans. into Russian by A. Rogachov).

Кокинсю 2005 – Поэтическая антология «Кокинсю». Перевод И.А. Борониной. М.: ИМЛИ РАН, 2005 (*Kokinshū*, Trans. into Russian by Irina A. Boronina).

Чэнь Хун 1960 – *Чэнь Хун*. Повесть о бесконечной тоске // Танские новеллы. Пер. с китайского О. Фишман и А. Тишкова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 185–197 (*Chen Hong, Chang hen ge zhuan*, Trans. into Russian by Olga Fishman).

Мурасаки Сикибу 1991 – *Мурасаки Сикибу*. Повесть о Гэндзи. Т. 1. Пер. с японского Т.Л. Соколовой-Делюсиной. М.: Наука, 1991 (*Genji monogatari*. Trans. into Russian by T. Sokolova-Delyusina).

Избранные сутры 1999 – Избранные сутры китайского буддизма. Пер. с кит. Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. СПб.: Наука, 1999 (Selected Sutras of Chinese Buddhism. Trans. into Russian by Dmitry V. Popovtsev, Konstantin Yu. Solonin, Evgeny A. Torchinov).

Ссылки – References in Russian and Japanese

Алимов 2017 – *Алимов И.А.* Записи о сокровенных чудесах: Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017.

Морисита 2006 – *Морисита Ёдзи*. «Кара моногатари»-но синсё: сэкай – дай дзю:хати ханаси «Ёкихи»-о мэгуттэ [Образный строй «Кара моногатари»: обсуждая «Ян-гуифэй» в истории 18-й] // Бункёку кокубунгаку. 2006. Вып. 50. С. 16–30.

Сторожук 2010 – *Сторожук А.Г.* История Сюань-цзуна и Ян Гуй-фэй в танской литературе: выбор между долгом правителя и личным счастьем // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение и африканистика. № 2 (2010). С. 168–173.

Трубникова, Коляда 2018 – *Трубникова Н.Н., Коляда М.С.* «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов XII–XIV вв. // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке*. № 4 (2018). С. 34–44.

Мещеряков 2006 – *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: культура и текст. СПб.: Гиперион, 2006.

Игнатович 1998 – *Игнатович А.Н.* Словарь терминов и понятий // Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Издание подготовил А.Н. Игнатович. М.: Ладомир, 1998. С. 465–524.

References

Graham, Masako Nakagawa (1987) *The Yang Kuey-fei Legend in Japanese Literature (China)*, PhD Dissertation, University of Pennsylvania, Philadelphia, PA.

Smits, Ivo (1997) “Reading the New Ballads: Late Heian kanshi poets and Bo Juyi”, *Wasser-Spuren: Festschrift für Wolfram Naumann zum 65. Geburtstag*, ed. Stanca Scholz-Cionca, Otto Harrassowitz, Wiesbaden, pp. 169–184.

Alimov, Igor A. (2017) *The Notes of Innermost Miracles. A Concise History of the 7th – 10th Century Chinese Xiaoshuo Prose*, Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg (in Russian)

Ignatovich, Aleksander N. (1998) “Glossary of terms and concepts”, *Lotus Sūtra*, Trans. by Aleksandr N. Ignatovich, Ladomir, Moscow (in Russian).

Morishita, Yōji (2006) ‘The Kara monogatari figurative system: discussing “Yang-guifei” in the Story 18’, *Bunkyo kokubungaku*, Vol. 50, pp. 16–30 (in Japanese).

Trubnikova, Nadezhda N., Kolyada, Maria S. (2018) ‘Konjaku Monogatari-shu in the Japanese Didactic Tales Tradition of XIIth – XIVth centuries’, *Gumanitarnie Issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, Vol. 46, pp. 34–44 (in Russian).

Meshcheryakov, Aleksander N. (2006) *Ancient Japan: Culture and Text*, Giperion, Saint Petersburg (in Russian).

Сведения об авторе

ТОРОПЫГИНА Мария Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author's Information

TOROPYGINA Maria V. – CSc in Philology, Senior researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Professor, Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University “Higher School of Economics”.

<История об императоре Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй>

I

Давно, во времена Танского Сюань-цзуна, в мире было радостно и безмятежно. Даже когда дул ветер, ветви не скрипели, а дождь выпадал только в положенное время. Все люди гордились покоем в Поднебесной, и только и делали, что любовались цветами и наслаждались луной. Император был погружен в сладостные любовные утехы, положившись во всех делах на человека, известного как левый министр¹, сам же все меньше обращал внимание на дела управления.

Раньше он глубоко, как тому нет примеров в мире, любил императрицу Юань Сянь и жену У-шуйфэй, но после их смерти² среди многих женщин не находилось такой, к кому бы прилепилось его сердце. Поэтому он приказал Гао Ли-ши³ искать такую женщину за пределами столицы. Тогда-то он и обрел дочь семьи Ян.

Обликом она была схожа с осенней луной, когда та поднимается из-за горы, казалось, что от ее дыхания начинают распускаться красные лотосы в летнем пруду. Ее улыбка была столь обольстительна, что в нее нельзя было не влюбиться. Все в ней было неподражаемо. Казалось, что это небожительница спустилась на землю.

Император немедленно повелел вырыть во дворце горячий источник, чтобы Ян-гуйфэй там купалась. Когда она поднималась из источника, она казалась бесплотной, будто даже легкая одежда была ей тяжела. Она выходила, раскрасневшаяся, легкой поступью, бессильная и милая, и вдруг – пленительно порывистая. Император, каждый раз, как видел это, безмерно радовался и восхищался.

Не только ее облик был неподражаем, а манеры – несравненны, но к чему бы она ни имела отношения, она всегда проявляла глубокое понимание. К тому же, она всегда вела себя точно зная, чего желал император, так что несравненная любовь императора, как думали люди тогда, имела основания.

Император не совершал выезды без нее, без нее не ложился спать. Три тысячи жен и наложниц⁴ ждали своей очереди, но император не обращал на них внимания. Только одну Ян-гуйфэй, да еще луну и солнце, он считал несравненными.

Император предпринял выезд во дворец Лишань, там Ян-гуйфэй исполнила танец «Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор»⁵. Всякий раз, когда во время танца ее рукава развевались на ветру, драгоценные украшения падали в сад, и разве не выглядел он, как лазоревый рай – мир Радости?⁶ Не было никого, кого не тронул бы тот осенний вечер во дворце Лишань.

Весной предавались весенним развлечениям, ночами вздыхали, что ночь так коротка. Ночь напролет, день напролет, в любое время года у императора не стало других дел. Он больше не знал, хорошо или плохо управляется страна. Все же те, кому покровительствовала Ян-гуйфэй, забыли о тяготах мира, гордых и спесивых среди них было не счесть. Люди в Поднебесной, и высокородные, и низкороджденные, никогда больше не подавали вида, что не согласны с ней. Кто это видел, кто про это слышал, завидовали ей и восхваляли ее так, что и сказать нельзя. Так что те, у кого рождались дочери, радовались и лелеяли их, в глупости своей полагаются на ее пример.

У императора был младший брат, звавшийся Нин-ван⁷, он неотлучно находился рядом, даже спали братья друг возле друга, ночью и днем не расставались, развлекались всегда вместе. Этот принц прятал за занавесями драгоценную флейту, Ян-гуйфэй как-то сыграла на ней. Император, увидев это, неожиданно изменился в лице: «На драгоценной флейте не должен играть тот, кому она не принадлежит! Ты слишком гордишься моей любовью, позволяешь себе больше, чем положено! Разве такое не ведет к беспорядку?» Ян-гуйфэй была глубоко огорчена, она отрезала прядь своих волос и передала императору: «Кроме кожи на теле и волос на голове, разве не вами даровано все остальное? Однако я пошла против вашей воли, я виновата и прошу прощения», – плача и плача, она просила это передать, посыльный пришел в замешательство, когда же он передал все императору, тот был взволнован и не знал, что ей

ответить. Однако в скором времени вновь приблизил ее: «Все же ей нет равных в мире!» – решил он, и глубина его привязанности день ото дня росла.

Вечером седьмого дня начала осени состоялся выезд во дворец Лишань. Завидуя неразрывной клятве между Ткачихой и Пастухом⁸, они вместе вздыхали о том, что в этом брэнном мире расставания не избежать. Они клялись друг другу: «Пусть облик сменится на шести дорогах⁹, но мы обязательно еще встретимся».

Пусть облик
Изменяется
В брэнных мирах,
Известно,
Что клятва супругов нетленна.

Они о многом говорили, держась за руки, из глаз текли слёзы, и даже тот, кто слушал эту историю в следующие века, орoшал рукава слезами-росой.

II

Так они проводили годы и месяцы. Управление страной было отдано правому министру Ян Го-чжуну, младшему брату Ян-гуйфэй, однако многие его дела были не по сердцу людям, в мире росло недовольство. Среди недовольных был пасынок Ян-гуйфэй, левый министр по имени Ан Лу-шань, он хотел власти, негодовал, и никто не мог его сдержать. И вот он собрал сто пятьдесят тысяч воинов, чтобы наконец покончить с Ян Го-чжуном, и в мире поднялась-закипела смута. Опасность докатилась даже до императорского дворца, и император был вынужден покинуть его. С ним были наследный принц¹⁰ и Ян-гуйфэй. Еще с ним были Ян Го-чжун, Гао Ли-ши, Чэнь Сюань-ли¹¹, Вэй Цзянь-су¹².

Император бежал в земли, что называются Шу¹³, думая так: «Пусть я нахожусь в диких горах, раз мы с ней вместе, не о чем и печалиться до самой смерти». Но вот только лица его людей вдруг изменились, посуровели, и император заподозрил недоброе.

Сюань-ли обратился к наследному принцу: «Ведь это Ян Го-чжун привел в беспорядок дела управления государством и наполнил злобой людские сердца, поэтому государь сегодня попал в такое положение. Ничего не остается как убить Ян Го-чжуна, и тем успокоить людской гнев». Наследный принц согласился, и Ян Го-чжун был тут же, на глазах, убит. Император, думая о горестях и быстротечности жизни, хотел двинуться дальше, но воины окружили его: «Разве нет еще одного источника для смуты и недовольства?» – они были в возбуждении. В это время император понял, что вряд ли сможет спасти Ян-гуйфэй, он закрыл лицо рукавами и ничего не ответил.

Ян-гуйфэй считала, что в этом мире, пусть даже в какой-нибудь пещере в скале¹⁴, только бы это было надежное укрытие для жизни с императором, ничто не будет ей в тягость, но тут: «Неужели я должна вот так вдруг расстаться с жизнью!», – горькие слезы расставания были краснее, чем самые алые листья. Понимая, что ничего поделаться нельзя, она обратила взор на императора. До самого мига своей смерти она оборачивалась, и даже трудно представить, с чем можно сравнить ее облик. Восхитительнее, чем мокрая от росы гвоздика, нежнее трепещущей на ветру зеленой ивы, прекрасная, как лотосы Тайи, как ивы Вэйяня, и всё же ее не пожалели, в храме у дороги тонкий шелк обвился вокруг ее шеи, и она умерла. Даже не знающие сожаления травы и деревья изменили цвет, не знающие сострадания птицы и звери, даже и они лили потоки слез.

Среди всех вещей
Нет таких,
Что не изменили бы цвет,
Будь то голубое небо,
Будь то веточки во всех четырех направлениях.

Все, кто вместе с Ян-гуйфэй служил императору, и люди сердечные и безразличные, и храбрецы и трусы, залились слезами, так что не понимали, куда идут. Император прочел про себя:

Зачем
Было украшать
Драгоценный дворец?
Ведь для росинки дикое поле –
Последнее пристанище.

И только из-под рукавов императора лились кровавые слезы. Видно, из-за того, что так горько было у него на сердце, но казалось, что даже сидеть на лошади ему трудно, его люди со всех сторон его окружили, и они стали медленно продвигаться вперед.

Провиант истощился¹⁵, воины больше не были едины в поддержке императора, да и Чэнь Сюань-ли не пытался их окорачивать. Тем временем из земель, что зовутся Ичжоу, доставили несметную дань, ее разложили перед императором, и он велел разделить ее между служилыми людьми, сказав так: «Эта смута произошла из-за того, что в делах управления страной я перестал замечать, что прозрачно, а что грязно. Из-за меня одного вы были разлучены с теми, с кем трудно расстаться, – с родителями, с братьями, – следуя за мной, вы отдавали жизнь, а ведь она одна. Но я не камень и не дерево, и разве мое сердце не полно благодарности! Теперь я отдаю вам все это, чтобы каждый мог вернуться в свой родной край». Рукава императора были покрыты росой обильнее, чем осенние травы-листья. Все те, кто слышал его, сдерживая слезы, сказали: «Покуда живы, мы будем следовать за вами!»

III

День сменился вечером, император пребывал в одиночестве. «Как она там, в этом посмертном путешествии по небу, не заплутала ли одна во мраке?» – его мысли путались, а сердце мучилось, сказать, что ему было «грустно и печально» – ничего не сказать. Ночь медленно двигалась к рассвету, император вышел, светлая луна склонилась на запад, из просветов в облаках слышались далекие голоса пролетающих журавлей, но его сердце было наполнено тоской, он шел, не зная куда. Шу – край неприступных гор, фигуру императора, идущего по подвесному мосту в разрывах облаков, издалека было трудно рассмотреть. У него были сотни воинов, но их число уменьшилось, знамена, свидетельствующие о мощи и величии, намокли под дождями и пропитались росой, и больше не были похожи на знамена. Люди, которые были с ним, из-за всего случившегося были в подавленном состоянии; расположенный в глубине гор, куда и птичьи голоса не достигали, путевой дворец имел вид самый простой. Кроме света луны, других огней здесь не видно, даже император находился в жалком положении, а потому его подходящее пейзажу пристанище, которое могло бы показаться живописным при других обстоятельствах, таковым не выглядело. Так или иначе, у императора были причины размышлять так: «Как далеки сделались те времена, когда за девятислойными занавесями на драгоценном ложе наши изголовья были рядом!»

Через какое-то время он отрекся в пользу наследного принца, и тот занял престол. Он казнил людей с мятежными сердцами, замирил Поднебесную, и обратился к ушедшему с престола императору: «Поставив рядом наши дворцы, мы сможем советоваться и управлять страной», – однако бывший император по размышлении решил, что это не соответствует его желаниям.

Мир спокоен, и в его мысли тоже пришла ясность, отныне бесконечная печаль – его удел. Все изменилось, тому, что было, подошел конец, радость иссякла, пришла горе. Каждый раз, когда летом в пруду раскрывались лотосы или когда облетали осенью листья с деревьев в саду, он не мог унять сердечной тоски и так сильно печалился, что отправлялся в то дикое место, где умерла Ян-гуйфэй, рассталась с ним. Видя, как ветер дует в поросшем бурьяном поле, как вечерняя роса блестит, словно жемчужины, он погружался в воспоминания, от которых нельзя избавиться. Ему думалось, что лучше умереть.

Те рукава
Которые мы складывали вместе,
Истлели.
Где, в каких полях,
На них ложится роса?

Погруженный в эти мысли, давась слезами, он возвращался изможденным, все это невозможно описывать.

То место, где расстались
У дороги,
Посетил,
Вот возвращаюсь,
Доверившись коню.

И утром, когда под весенним ветром раскрываются цветы, и вечером, когда под осенним дождем с деревьев облетает листва, дворец производил впечатление запущенное и печальное. В беспорядке цвели в саду цветы и травы, и множество алых листьев устилали ступеньки лестницы. Когда дамы, которые в старину были в услужении у Ян-гуйфэй, в лунные ночи, захлебываясь слезами тоски по прежним временам, перебирали струны *кото*, играли на *бива*, на рукавах императора не оставалось сухого места, видеть это было очень горько, так что и другие люди приходили в такую тоску, что и их рукава оказывались мокры. Поскольку не было минуты, чтобы он забылся и заснул, он не мог встретиться с ней и во сне. Ночное стрекотание кузнечиков, собравшихся у постели, вызывало слезы, вечернее мелькание светлячков у кромки воды – думы, отзывавшиеся в груди такой тоской, какую не заглушить. Светильники вдоль стен еле светили, на постели, где утром и вечером они вместе вставали и ложились, скопилась пыль, старые подушки, старые одеяла, никому не нужные, лежали рядом. С кем вместе теперь ему к ним прикасаться!

IV

Так прошло года два, и тут появился даос по имени Мабороси¹⁶. «Я знаю, что в вашем сердце живет безграничная любовь к Ян-гуйфэй. В шести мирах нет неизвестного мне места. Я попытаюсь найти, где она переродилась, и вернусь к вам», – сказал он. Император был бесконечно рад, что даже его терзания вдруг пошли на убыль.

Мабороси поднимался в небо, спускался под землю, не было места, где бы он не побывал, ища ее, но и следа ее не было. Тогда, сев на облако, он полетел на Запад, где в океане высилась гора. На ее вершине – драгоценные башни и золотые дворцы, череда их черепичных крыш создавала великолепный вид, превосходивший все, что есть в этом мире. И среди всего этого наслаждались жизнью множество бессмертных женщин.

Мабороси направился туда и постучал в изукрашенные драгоценностями ворота. Неописуемо прекрасная, не этого мира женщина вышла и заговорила с Мабороси. Когда он услышал ее слова: «Ян-гуйфэй возродилась здесь, на горе Хорай¹⁷», – он несканно обрадовался. «Я посланец Танского Сюань-цзуна», – сказал он. «Ян-гуйфэй теперь почивает. Подождите до утра». Женщина удалилась, и он остался ждать в одиночестве. Вечерний ветер неслышно веял, блики заходящего солнца вспыхивали далеко в волнах, их ломаные линии несли беспокойство. Но вот прошла половина ночи, он увидел, как дверь из цветов вся без остатка покрылась белыми каплями росы.

Еще не рассвело,
Закрытая цветочная дверь
Вся покрыта росой,
И отчего-то и рукава
Мокры.

Тем временем ночь сменилась рассветом, вышло солнце и появилась Ян-гуйфэй. Золотые заколки с цветами ярко блестели, драгоценные украшения слепили глаза. Увидев Мабороси, она некоторое время не могла произнести ни слова, слезы душили

ее. У даоса рукава были тоже насквозь мокры. Так прошло довольно много времени, и вот Ян-гуйфэй заговорила: «С четырнадцатого года Тяньбао¹⁸ император тоскует обо мне, и мои страдания и мучения не знают предела. Я переродилась в этом удивительном месте, но из-за того, что наша любовная клятва была так глубока, я всем сердцем – в родных краях». Она говорила еще и еще и ее облик напоминал ту, что танцевала «Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор». Посланец, зная, что у императора на сердце, рассказал ей всё как есть. Прояснилось то, что было неясного между ними, и посланец собрался возвращаться. Ян-гуйфэй разломила золотую заколку и сказала: «Передайте это от меня императору». Посланец взял заколку, но подумал, то ли это, что нужно. «Золотая заколка – не такая уж редкость. Когда-то, наверное, вы давали друг другу клятву, которая другим не известна. Если бы вы позволили мне, я передал бы ее императору». Когда он это сказал, Ян-гуйфэй изменилась в лице, у нее полились слезы, она была в волнении: «Давно, осенью десятого года Тяньбао, когда мы были во дворце Лишань, в вечер, когда встречаются Ткачиха и Пастух, в павильоне Долголетия не было слышно ни звука, полуночный пейзаж был печально-прекрасен, император и я стояли рядом. “Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах птиц четой неразлучной летать. Так быть вместе навеки, чтоб нам на земле раздвоенною веткой расти!”¹⁹ – так рек император, и никто на земле, кроме него, этого не знает. Другой такой клятвы нет, и поэтому я обязательно спущусь в мир людей, и наверняка мы встретимся снова, и будем близки, как прежде. Я об этом и раньше знала. Вспоминую – всё так печально, вспоминаю – разве еще и не радостно!» – когда она произнесла эти слова, в ее облике выразилось то, что ей было трудно скрыть в сердце – горечь того вечера, когда у дороги Мавэй стало ясно, что ее жизнь сейчас закончится, это было будто сейчас, и в этот момент она и вправду была как грушевая ветка в цвету под весенним дождем.

Светится
Драгоценный лик
Весь в слезах,
То, что было раньше,
На нем отразилось.

Даос вернулся и все передал императору. День ото дня сердце императора все больше страдало, он даже стал думать, что лучше бы ему не родиться. Летом того года, в четвертую луну, он ушел из жизни по своей воле.

Оттого ли, что узнал
О тех неведомых
Драгоценных башнях,
Только и государь
В ночи дымком поднялся в небо.

Не только один этот государь, все те, кто родились людьми, они ведь не деревья, не камни, все испытывают чувства. С древности и по сей день, благородный и простой, мудрый и глупый, – нет человека, который не вступил бы на этот путь. А если на него вступить, то невозможно не заплутать. Остается только не встречаться с любовью, которая волнует сердце, ведь весь этот мир подобен сну и грезам.

Пусть от восьми страданий²⁰ не убежать, но нужно от них отвратиться. Радости Неба не имеют границ, но и небожители не могут избежать пяти признаков умирания²¹, так что это не то, к чему следует стремиться, и даже если родишься на Небе, это не приведет к хорошему. Следует всем сердцем стремиться уйти из трех миров²², и оказаться на девяти ступенях Чистой Земли²³. Но если и желаешь оказаться в Краю Вечной Радости, а в этом мире остались привязанности, это подобно тому, как отчаливать в лодке, не отвяжав веревку. Ну а если и отвратился от этого мира, но не желаешь всем сердцем оказаться в Краю Вечной Радости, это подобно тому, как пытаться ехать в повозке, поставив ее впереди лошади. Если же бежишь этого мира, всем сердцем мечтаешь о Крае Вечной Радости, тогда преодолешь море страданий и дойдешь

до земли, где не иссякает радость, в этом не следует сомневаться. Ни в коем случае не поворачивай обратно на дорогу зла, которую трудно покинуть, иди и дойдешь до Чистой Земли, которую легко достичь.

Примечания

¹ Начало рассказа следует за текстом новеллы Чэнь Хуна. В китайском тексте, как пишет И.А. Алимов, имеется в виду Ли Линь-фу (683–753) – танский сановник и родственник правящего дома, во многом ответственный за произошедшие в Китае события [Алимов 2017, 127]. В японском тексте это имя не упоминается, так что, возможно, автор имел в виду Ян Го-чжуна, этим вступлением предвывая дальнейший ход событий.

² Императрица Юань Сянь умерла в 729 г. У-шуфэй, которая была матерью четырех принцев крови и трех принцесс, и после смерти была удостоена императорского титула, – в 737 г.

³ Гао Ли-ши (684–762) – дворцовый евнух, он способствовал дворцовому перевороту, в результате которого Сюань-цзун получил престол. Гао Ли-ши пользовался большим влиянием при дворе Сюань-цзуна.

⁴ Автор японского текста пользуется обозначениями женских должностей, принятыми при японском дворе.

⁵ Перевод названия танца дан по переводу поэмы Бо Цзюй-и Л.З. Эйдлиным. «Смолк, изорван, “Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор”» [Бо Цзюй-и 1978, 263]; «Ветер дует в бессмертных одежд рукава, всю ее овеивает легко, // Словно в танце “Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор” [Там же]. Согласно легенде, автором музыки является сам Сюань-цзун, по одной из версий Сюань-цзун услышал эту музыку в лунном дворце, где этот танец исполняли несколько сот бессмертных небожителей».

⁶ Лазоревый рай, Край Вечной Радости, мир Радости – слова, обозначающие Чистую Землю. Понятие связано прежде всего с почитанием будды Амида, широко распространенным в Японии.

⁷ Следующий отрывок текста основан либо на историческом сочинении – «Цзю Тан шу», либо на новелле Лэ Ши (либо использованы оба текста). Нин-ван (674–741) – старший брат Сюань Цзуна, был известен как искусный живописец.

⁸ О звездах Пастуха и Ткачихи рассказывается в широко распространенной в Китае и Японии китайской легенде о Танабата. Это легенда о любви Пастуха и Ткачихи (Вега и Альтаир), которые разделены Небесной Рекой (Млечным Путем) и могут встречаться только раз в году – в седьмой день седьмой луны.

⁹ Шесть дорог (шесть миров, шесть состояний) – буддийское понятие, означающие миры-состояния, в которых могут переродиться живые существа, не вышедшие из «круга перерождений»: мир ада или подземных темниц; мир голодных духов; мир животных; мир асур (существ, когда-то обитавших на небесах и имевших одинаковый статус с божествами, однако из-за конфликтов с последними низвергнутые с небес); путь людей; путь небожителей.

¹⁰ Будущий император Су-цзун (711–762), на престоле 756–762. Здесь текст противоречит историческим событиям, Су-цзун не сопровождал Сюань цзуна в его бегстве в Сычуань.

¹¹ Чэнь Сюань-ли (годы жизни неизвестны) – один из военачальников в армии Сюань-цзуна.

¹² Вэй Цзянь-су (687–763) – высокопоставленный чиновник при дворе Сюань-цзуна.

¹³ В поэме Бо Цзюй-и земли Шу описаны так: «Разнося над селеньями желтую пыль, вечный ветер свистит и шумит. // Там мосты и тропинки, кружа в облаках, ввысь ведут до вершины Цзяньгэ. // Под горою Эмэй, там, в долине пустой, проходящих не видно людей. // Боевые знамена утратили блеск, и тусклее там солнечный свет. // Край тот Шу – с бирюзовыми водами рек и вершинами синими гор. // Мудрый наш властелин там в изгнание ни днем и ни ночью покоя не знал. // Бередающее душу сиянье луны видел он в отдаленном дворце. // Все внутри обрывающий звон бубенцов слышал он сквозь ночные дожди...» [Бо Цзюй-и 1978, 264].

¹⁴ Образ, нередкий в японских стихотворениях, например, в «Кокинсю» (№ 952): В какой пещере // Среди скал // Укрыться мне // Чтоб вести скорбные из мира суеты // Не долетали до меня (перевод И.А. Бороной) [Кокинсю 2005, 222–223].

¹⁵ Следующий отрывок текста основан на историческом сочинении – «Цзю Тан шу».

¹⁶ Слово *мабороси* означает «иллюзия, видение, призрачность». Так называется одна из глав «Гэндзи моногатари».

¹⁷ Гора (остров) Хорай (кит. Пэнлай) – гора-остров бессмертных в даосской картине мира. Часто встречающийся образ как в китайской, так и в японской литературе.

¹⁸ Годы девиза Тяньбао – 742–756.

¹⁹ В переводе Л.З. Эйдлина соответствующая сцена из поэмы Бо Цзюй-и такая: «И, прощаясь, просила еще передать государю такие слова // (Содержалась в них клятва былая одна, два лишь сердца и знало о ней): // “В день седьмой это было, в седьмую луну, мы в чертог Долголетия пришли. //

Мы в глубокую полночь стояли вдвоем, и никто не слышал наших слов: // Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах птиц четой неразлучной летать. // Так быть вместе навеки, чтоб нам на земле раздвоенною веткой расти!» [Бо Цзюй-и 1978, 269]. Эта клятва часто цитируется в японской литературе. В «Гэндзи моногатари»: «По утрам и вечерам неизменно клялись они друг другу: “Станем птиц неразлучных четую, станем раздвоенной веткой”» (перевод Т.Л. Соколовой-Делюсиной) [Мурасаки Сикибу 1991, 14].

²⁰ Восемь страданий – страдания, сопровождающие рождение; старение; болезни; смерть; разлуку с тем, кого любишь; встречу с тем, кого ненавидишь; ненахождение того, что ищешь; увеличение веса тела [Игнатович 1998, 474].

²¹ Пять признаков умирания (утери жизненной силы, близкой смерти) небожителей: волосы на голове блекнут, загрязняются одежды, потеют подмышки, слепнут глаза, не помогают лекарства.

²² Три мира – данное понятие может иметь временное или пространственное значение. Временные миры – это прошлое, настоящее и будущее. Пространственные – мир желаний; мир форм; мир без форм [Игнатович 1998, 513].

²³ Понятие девяти ступеней рая связано с девятью категориями существ, перерождающихся в Чистой Земле, о них говорится в «Сутре созерцания Будды Амитаюса»; см.: [Избранные сутры 1999, 221–292].